БИБЛИОСФЕРА, 2005, № 2, с. 101–105

Новые книги. Рецензии

Вихрева, Г.М. Ценностные аспекты отбора документов в фонд универсальной научной библиотеки / Г.М. Вихрева; ГПНТБ СО РАН. – Новосибирск, 2004. – 190 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ КОМПЛЕКТОВАНИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ФОНДА

Монографий по библиотечному фондоведению появляется очень мало. Тем отраднее выход монографии Г.М. Вихревой «Ценностные аспекты отбора документов в фонд универсальной научной библиотеки».

Автор берет на себя смелость рассмотреть ключевую проблему фондоведения – критерий оценки документов для их включения в фонд. Принятие на себя решения этой задачи само по себе вызывает уважение к исследователю. Актуальность работы видится и в том, что за последние 15 лет в теории этого вопроса произошло мало сдвигов, хотя реалии нашей жизни поменялись очень круто: радикально изменились ценностные ориентации общества, принципы библиотечной деятельности. Появились новые базисные понятия – «философия библиотеки», «социальная миссия библиотеки», «библиотечная политика», «стратегическое планирование библиотечной деятельности» и др. Давно требовалось проверить сложившуюся теорию формирования библиотечного фонда с этими инновациями. Наконец, уверенно заявили о себе электронные документы, вызвав значительную сумятицу в умах библиотекарей, а среди них – в первую очередь у комплектаторов.

Чтобы разобраться во всем этом, Г.М. Вихрева прежде всего исследует историографию вопроса, доводя ее до современности. В итоге она приходит к выводу, что в силу большого рассогласования взглядов в современном библиотековедении существует потребность в новой концепции отбора документов, основанной на анализе сложившихся фондоведческих постулатов, с одной стороны, и конкретного библиотечного опыта – с другой.

Затем автор анализирует фундаментальные теоретические положения отбора документов в библиотечный фонд. Делается самый, пожалуй, главный для темы методологический вывод: *все достигнутые в советском фондоведении к началу 1990-х гг. теоретические положения, связанные с критериальными аспектами отбора, сохраняют силу и в новых, кардинально изменившихся социальных условиях.* Вместе с тем эти теоретические положения требуют отчасти иного реального воплощения в условиях меняющейся системы ценностей.

Новая концепция отбора документов составляет теоретическое ядро монографии. Она имеет наибольшую научную ценность и практическую значимость. Вначале последовательно рассматриваются «ценности высшего порядка» – общечеловеческие, национальные, региональные, общебиблиотечные. Мне импонируют установки автора по отношению к этим ценностным составляющим. Действительно, нет для современности ничего более важного, чем осознание кризиса технократического мировоззрения, гуманизация социокультурного пространства, разработка национально-государственной идеологии, отрицание идеологии бездуховности, идеологии деидеологизации. Прошу у читателей извинения за оксюморон, но именно такая парадоксальная идеология культивировалась у нас как альтернатива коммунистической идеологии, процветает (она) и сейчас; тем дороже отказ от нее, хотя бы для начала на уровне теории.

От рассмотрения генеральных факторов, определяющих аксиологический стиль мышления комплектатора, Г.М. Вихрева переходит к их воплощению в реальной модели библиотечного фонда. И здесь, правильно критикуя вслед за советскими фондоведами неоперативность так называемого тематико-типологического плана комплектования, она вновь признает, что все-таки этот технологический документ остается лучшим по форме и наполнению. Сообщается об изменениях жанрового и тематического предпочтения на современном книжном рынке, о появившихся мультимедийных документах и т.д. На этом основании выстраивается концептуально-функциональная модель книжной и журнальной продукции, в которой находят полное отражение теоретико-методологические воззрения, изложенные в предыдущих параграфах. Особенно ценны здесь соображения по наиболее острым вопросам: как комплектатор должен относиться к отбору асоциальной, деструктивной документной продукции – например оккультной, исходящей от разрушительных по своей направленности религиозных организаций, коих в России свыше 50 только из числа наиболее крупных. Чтобы не повторять содержание книги, скажу только, что солидаризируюсь с автором по подходам и следующим из них рекомендациям.

Существенным подспорьем для читателей, желающих получить представление о конкретике, деталях, практических следствиях из теоретических построений Г.М. Вихревой, служат приложения. Они включают в себя изложение политики отбора и «Тематико-типологический профиль комплектования» ГПНТБ СО РАН. Ставлю слова в кавычки, потому что этот документ есть не только тематический и не только типологический профиль. В нем отражены и отделы библиотеки, и экземплярность, и виды документов, и ряд других параметров. Точно говоря, его следовало бы именовать Структурной моделью формирования библиотечного фонда. Ну да ладно, это к слову. В приложениях содержатся также: Профиль комплектования фонда художественной литературы ГПНТБ СО РАН (чем, кстати, профиль отличается от тематико-типологического профиля?), Положение о фонде газет, «Методика внесения в сводную модель фонда библиотек сети сведений о комплектовании отечественными изданиями», Положение о принци-

пах отбора в фонды ГПНТБ СО РАН литературы религиозного и эзотерического характера, Рекомендации по отбору в фонд новых названий журналов, поступивших из различных источников, Инструкции по отбору и направлению изданий временного хранения, о порядке отбора непрофильной и малоценной литературы.

Словом, для практиков книга Г.М. Вихревой не менее ценна и интересна, чем для теоретиков.

В заключение считаю целесообразным поделиться соображениями о перспективах развития аксиологического подхода к формированию библиотечного фонда. Исхожу при этом из убеждения, что теория нужна постольку, поскольку объясняет наиболее существенные явления практики и отвечает на ее важнейшие потребности.

В библиотечном фондоведении достигнуты успехи в разработке теории ядра фонда массовой библиотеки, но что касается библиотек научных и специальных, то по отношению к ним этот вопрос находится всего лишь в постановочном состоянии. Ясно, что в ядро входит наиболее ценная часть фонда, но какие конкретно документы – по содержанию, виду, возрасту и т.п. – считать ею? Считать ли ядром самую ценную вновь выходящую литературу по основному профилю фонда? Как чистить ядро периодических изданий: по названиям, по хронологии, по субъекту распознавания (человекораспознаваемый, машинораспознаваемый журнал)? Входит ли в понятие «ядро» серая литература? Труды классиков науки входят ли в ядро? Вопрос, казалось бы, праздный. Но многие ли ученые, для примера Новосибирска, Академгородка, обращаются сегодня к произведениям, скажем, М.В. Ломоносова, И. Ньютона? Так где наиболее рациональное место такого рода произведениям – в активном ли фонде, в депозитарии или в репозитарии? Правомерно ли понятие «ядро» распространять на весь фонд основного хранения?

Ядру противостоит остальная часть фонда. Каким должно быть численное соотношение ядра и этой остальной части? Почему именно такое? Удачно ли терминологическое обозначение остальной части как *сферы* фонда? Ведь сфера характеризует объект с точки зрения формы (шар), однако с этой точки зрения и ядро – шар. Но тогда каким термином было бы правильно обозначить неядерную часть фонда?

Критерий отбора литературы в фонд более или менее ясен. А что считать критерием ценности для уже сформированного фонда? Не секрет ведь, что значительная часть фонда универсальных научных библиотек, да и библиотек других типов лежит омертвелым грузом и не будет спрошена никогда. Храним ли мы ее (попусту) на всякий случай: а вдруг она когда-нибудь кому-нибудь понадобится. А когда? А кому? Да мы сегодня такие вопросы даже не ставим. Между тем комплектатор занимается не только первичным, но и вторичным отбором, и в его обязанности входит иметь ценностные аспекты не только первичного, но и вторичного отбора. Это самостоятельная и совершенно неизведанная область, столько же важная теоретически, сколько и практически. Впрочем, теория с практикой всегда идут рука об руку.

Принято считать, что ядро (возвращаюсь к нему снова) удовлетворяет общее в информационных потребностях пользователей. Для массовых библиотек это справедливо, но для научных проблематично. Вот и еще один аксиологический вопрос для фондоведа.

Основным фондом удовлетворяется особенное в информационных потребностях, тогда как для удовлетворения единичного прибегают к помощи других библиотек. Но какова оптимальная доля запросов, приходящихся на общее, особенное и единичное в информационных потребностях? Каков методологический подход к ее расчету? И на эти вопросы призвана ответить теория комплектования.

Как рассчитать документообеспеченность пользователей научной библиотеки? Комплектование – процесс стохастический, это установлено. Установлено, что в связи с этим библиотека представляет собой систему с отказами. Требовать, в частности, безошибочности комплектования было бы теоретической утопией. Руководитель, который взялся бы наказывать комплектаторов за ошибки в отборе, был бы в лучшем случае администратор полуграмотный. Какова, однако, предельно допустимая норма ошибки при отборе литературы? При каком количестве отказов, выданных по какой причине фонд библиотеки можно считать тем не менее укомплектованным удовлетворительно?

При каких условиях электронный документ предпочтительнее для фонда по сравнению с неэлектронным? Нельзя ли это выразить формульно? И заложить в структурную модель фонда?

ГПНТБ СО РАН разработала критерии оценки литературы религиозной и эзотерической самой разной направленности – честь и хвала Библиотеке, разработчикам за это. Но вопрос об отношении к литературе в целом обойден молчанием, а как комплектатор должен ее расценивать и почему именно так?

Какой должна быть в фонде доля периодики и непериодических изданий? Доля документов на русском языке и иноязычных? Иноязычных – каких именно: тех ли, которыми владеет читатель, или тех, на которых выходит наиболее ценная литература? Каким должен быть методологический подход к доле обновления фонда?

Вопросов этого рода в теории комплектования существует множество, все они требуют четкого методологического подхода, строгих доказательных рассуждений, а не общих околонаучных мудрствований. Практику в конечном счете нужен ответ однозначный: да или нет. Но почему – да или почему – нет, до этого нужно дойти путем долгих научных построений. Вот почему решение перечисленных и не названных здесь (а кстати сказать, обязанность теоретика для начала видеть, обозначать и ставить вопросы; в этом, как известно, залог успеха в их последующем решении) вопросов – хотя бы части из них – имело бы существенное как теоретическое, так и практическое значение.

Хотелось бы видеть Г.М. Вихреву в числе коллег, продолжающих развивать ценностные критерии отбора в библиотечный фонд.

Ю.Г. Столяров, д-р пед. наук, профессор

Моргенштерн, И.Г. Общее библиографоведение : учеб. пособие для студентов по специальности «Библиотечно-информационная деятельность» / И.Г. Моргенштерн / И.Г. Моргенштерн; ЧГАКИ; Науч. ред. проф. Г.В. Михеева. – СПб.: Профессия, 2005. – 208 с.

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ВЫХОДА УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ И.Г. МОРГЕНШТЕРНА «ОБЩЕЕ БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ»

Выход учебного пособия для высших учебных заведений по курсу общее библиографоведение, автором которого является Исаак Григорьевич Моргенштерн, – событие как нельзя более долгожданное. Думаю, что со мной согласятся все, кто причастен к преподаванию этого предмета. Для многих из нас отправными точками в подготовке лекций служили публикации Исаака Григорьевича в журналах и сборниках и особенно подготовленные им многочисленные учебные пособия, начиная с «Научной организации библиографического труда» (Челябинск, 1983), удостоенного второй премии на Всероссийском конкурсе за лучшую работу по библиотековедению и библиографоведению 1985 г. (второе, исправленное и дополненное издание вышло в 1992 г.). Потом были «Информационное общество» (Челябинск, 1996), «Справочно-библиографическое обслуживание в библиотеках» (М., 1999), ряд изданий конспектов обзорных лекций, подготовленные при его авторском, составительском и редакторском участии, и уж совсем оригинальные – «Путеводитель по курсу библиографии» (Челябинск, 2001) и «Тезаурус библиографических понятий и терминов» (Челябинск, 2002). А «Занимательная библиография»! Книга, с которой для многих началась любовь к профессии библиографа!

Учебное пособие – жанр очень нелегкий, особенно в такой неустоявшейся науке, как библиографоведение. Ведь как хорошо математикам, физикам, химикам! Законы Ньютона никто не оспаривает, а от перестановки мест слагаемых сумма никогда не меняется. А у нас! Мы даже с объектом нашей науки вот уже почитай два столетия к консенсусу не придем. В каждой следующей научной работе подсчитываем, сколько десятков дефиниций одного и того же понятия имеется. И в этих условиях создать учебное пособие, а не еще одну монографию под видом пособия весьма сложно.

Надо сразу признать, что Исааку Григорьевичу это в основном удалось – логичная последовательность изложения, четкость и краткость формулировок, элегантный подбор рекомендуемой литературы, ясно сформулированные вопросы для самоконтроля и размышлений. Важным обстоятельством является то, что учебное пособие построено в соответствии с требованиями действующего государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования в области культуры и искусства по специальности 052700 «Библиотечно-информационная деятельность».

Чем удачнее работа, тем больше требований к ней предъявляется. Прежде всего потому, что когда интересно, а рассматриваемое учебное пособие безусловно интересно, включается аппарат сотворчества. Это, конечно, иногда мешает объективности, но вместе с тем хочется надеяться, поможет сделать работу еще более совершенной.

Некоторыми соображениями, возникшими в ходе чтения пособия, хотелось бы поделиться. Первое связано с неоднозначностью трактовок ряда определений. Может быть, такой подход покажется несколько ортодоксальным, но я считаю, что определения, приводимые в учебном пособии, должны соответствовать действующему ГОСТу. В нашем случае ГОСТ 7.0–99 «Информационно-библиотечная деятельность, библиография». У студента должен быть строго определенный ориентир. Свое несогласие с формулировками ГОСТа, их возможную корректировку, расширение толкования автор вправе дать в комментариях, пояснениях, т.е. в авторском тексте. Определение же должно быть четким, однозначным и, еще раз повторюсь, соответствующим государственно утвержденным документам. Примеров отступления и вольного изложения в данном случае можно было бы привести много (см. «Библиографическая информация», с. 19, «Научно-вспомогательная библиография», с. 23 и т.д.).

С большим удивлением, я практически не обнаружила на страницах рассматриваемого пособия такого явления, как региональная библиография. В параграфе «Комплексные виды библиографии» имеется вид – «территориальная библиография», в рамках которой, как отмечает автор, «наиболее развита краеведческая и страноведческая библиографии» (с. 27). В параграфе, посвященном классификации библиографических пособий, в таблице находим «региональные библиографические пособия», но что это такое, из текста пособия студент не узнает. Видимо, это принципиальная позиция автора, но, учитывая то место, которое занимает региональная библиография, ее качественное отличие от краеведческой, необходимо, на наш взгляд, чтобы обучающийся получил об этом хотя бы сведения информационного характера.

Наиболее спорно выделение в качестве самостоятельного вида электронной библиографии. Давайте рассмотрим по сути, что произошло с библиографией как таковой с появлением электронной среды. Процессы подготовки библиографической информации – (см. гл. 5.2), а именно подготовка проспекта, выявление, отбор, составление библиографических записей – остались неизменными. Меняется, и здесь Исаак Григорьевич совершенно прав, технологическая ос-

нова и носитель информации. Было гусиное перо, авторучка, пишущая машинка (хорошо, если «Ятрань»), потом ЕС, СМ, сейчас ПЭВМ, дальше будет что-то еще... Но с каждым шагом цивилизации основные процессы библиографирования не меняются, хотя некоторые этапы, связанные в основном с формальной обработкой информации, трансформируются. Систематизация (распределение описаний по разделам), подготовка вспомогательных указателей могут быть автоматизированы, но для этого библиограф, как и в прежние времена, должен проставить классификационный индекс, заполнить соответствующие поля, дабы на выходе получить именной, географический и прочие указатели. Это в случае, если мы используем ПЭВМ для подготовки указателя к традиционному изданию. Можно считать это явление отмирающим и существующим лишь постольку, поскольку пользователи библиографической информации еще должным образом не оснащены соответствующей техникой. Основной продукт, который мы получаем в ходе современной библиографической деятельности, – это базы данных. Автор справедливо отмечает, что в этом случае появляются совершенно новые поисковые возможности, которые обеспечиваются прежде всего соответствующими сформулированными в процессе подготовки проспекта БД библиографом требованиями и большей глубиной обработки документа (ключевые слова, предметные рубрики и т.д.). Но тогда правомерно говорить не об электронной библиографии, а о новой форме бытования библиографических пособий: БД библиографические, БД библиографические с рефератом, БД фактографические, БД полнотекстовые. Соответствующие определения, правда, как и все в этой области, небесспорные, зафиксированы в ГОСТе. А все остальные характеристики видов библиографии, выделяемых по временному, территориальному принципам, читательскому назначению (текущие, ретроспективные, научно-вспомогательная, профессионально-производственная и пр.), остаются неизменными и применимыми для характеристики БД. Таким образом, надо говорить не об электронной библиографии, как особом виде, а о библиографических пособиях на электронных носителях. Есть в пособии и некоторые даже не неточности, а недописанности. Так, Информрегистр не только издает печатный каталог БД России, но и поддерживает аналогичную БД на своем сайте, справочник «Информационные ресурсы Сибири и Дальнего Востока: базы данных» также существует в виде БД (www.spsl.nsc.ru). Там же установлена БД «Библиографические пособия Сибири и Дальнего Востока. XIX в. – 2000 г.». Кстати, указатель библиографических пособий по Сибири и Дальнему Востоку является не единственным региональным указателем такого рода, как утверждается на с. 207, а только выпуском серии «Библиография краеведческой библиографии РСФСР», которая в свое время подготавливалась и издавалась под эгидой специалистов Российской национальной библиотеки. Трудно согласиться и с утверждением, что если БД на CD-ROM, то это явная форма библиографического пособия, а если в «памяти машины», т.е., видимо, на жестком диске, то латентное, поскольку разницы в том, на каком носителе информация, ни для библиографа, ни для потребителя при определении ее формы нет. К этому же роду смысловых неточностей относится пассаж о том (с. 84), что в большинстве БД литература не располагается по значимости. В электронной форме действуют другие законы поиска, а следовательно, судить о БД по правилам традиционного библиографического указателя некорректно.

Я не ставила задачи досконального разбора работы, недаром в заголовок вынесено слово «Заметки». В заключение хотелось бы подчеркнуть – учебное пособие, безусловно, удалось. По нему можно именно учиться и учить, не продираясь сквозь заимствованные термины, усложняющие изложение, придающие ему не научность, а наукообразие. Учебник логичен, доступен, научен, дидактически правильно построен. Крупный недостаток у него, если честно, только один – слишком маленький тираж, а потребность в нем очень велика. Хорошо бы выставить текст в Интернет – это, безусловно, расширит количество пользователей. Хочется надеяться, что будет написано, и именно Исааком Григорьевичем, учебное пособие по истории российской библиографии.

Успехов всем. Студентам, для которых с появлением этого пособия путь в профессию существенно облегчается. Библиографоведам-теоретикам в преодоление полисемии и доведении нашей науки до математической точности. И автору, ведь это пособие его безусловная творческая удача.

Е.Б. Соболева,
кандидат педагогических наук, заведующая организационным отделом ГПНТБ СО РАН

Вишнякова, Н.В. История русской книги в США (конец XVIII в. – 1917 г.) / Н.В. Вишнякова; ГПНТБ СО РАН. – Новосибирск, 2004. – 340 с.

НОВАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ РУССКОЙ КНИГИ ЗА РУБЕЖОМ

По своему содержанию тема монографии Н.В. Вишняковой отвечает потребностям развития исторической науки на современном этапе. Русская книга внесла значительный вклад в мировой культурный процесс, поэтому интерес специалистов к ее истории, в том числе и к зарубежной, не случаен. Новый этап культурного сближения России и США придал значительный импульс интересу научной общественности к истории взаимоотношений двух стран. Все сказанное выше, а также влияние русско-американского книжного общения на формирование культурных связей России и США, малоизученность проблемы позволили автору монографии выделить

русскую книгу в США в дореволюционный период в качестве самостоятельной темы историко-книговедческого исследования.

При выборе темы монографии автор учитывает, что российской диаспорой были созданы очаги книжной культуры в различных частях света, в том числе и в Америке. Интерес России к Новому Свету, связанный с продвижением россиян на Восток и освоением ими Америки, не мог не повлечь за собой распространения русской книги на американском континенте. Не остался без внимания и тот факт, что книжные контакты играли важную роль в истории русско-американских связей, которая насчитывает уже более двух веков.

Изучение русской книги за рубежом, рассмотрение ее истории Н.В. Вишнякова дает в двух аспектах: во-первых, как русской книги, попавшей за рубеж в результате развития книжных связей; во-вторых, как русской зарубежной книги, связанной с понятиями «русское зарубежье» и «русская эмиграция». Поэтому для характеристики этого феномена автор монографии уделяет внимание дефинициям «русская книга» и «русская зарубежная книга» и при их определении рассматривает такие базовые понятия, как «нация», «книга» и «национальная книга», учитывая разработки не только специалистов в области книговедения, но и современных отечественных историков.

Автору удалось воссоздать достоверную и объективную историческую картину издания русской книги в США, выявить каналы ее распространения.

Ключевыми проблемами монографии стали вопросы социального бытования русской книги в США с конца XVIII в. до 1917 г., такие как эволюция центров отечественной книжной культуры, развитие русско-американских книжных связей, деятельность представителей российского зарубежья в области книжного дела – не только эмигрантов из России, но и представителей Русской православной церкви в США.

Новизна полученных результатов исследования заключается в том, что впервые исследована история русской книги в США в столь обширный хронологический период; разработаны проблемы русско-американских книжных связей и истории русского зарубежного книжного дела в Соединенных Штатах; выявлен и введен в научный оборот значительный массив архивных источников и иных материалов.

Особую ценность монографии придает использование самих произведений русской зарубежной печати, выявленных автором монографии. Н.В. Вишняковой удалось обнаружить новые, нигде ранее не публиковавшиеся сведения об издателях, книготорговцах, выявить репертуар русских книг, распространявшихся в США.

Можно с уверенностью сказать, что практически автором монографии открыта новая страница в истории русской книги за рубежом. Материалы монографии, и особенно приложения к работе: списки русских книг, изданных и распространявшихся в США, списки типографий, книжных магазинов и библиотек, созданных российскими эмигрантами, имеют важное научно-справочное значение для историков книги.

В целом, монография представляет собой весьма основательный научный труд, посвященный малоисследованной проблеме.

В.В. Авдеев,
кандидат исторических наук, подполковник,
доцент кафедры разведки Новосибирского
военного института